

Ольга Нечаева

Брюсов-педагог:

АНТИЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА
И КЛАСС ПОЭЗИИ В ВЛХИ

Olga Nechaeva

Briusov as a Teacher: Classical Literature and Poetry Class at VLKhl

Ольга Нечаева (Университет Пенсильвании; аспирантка программы сравнительного литературоведения) nechaeva@sas.upenn.edu.

Olga Nechaeva (PhD Candidate; Comparative Literature and Literary Theory Program, University of Pennsylvania) nechaeva@sas.upenn.edu.

Ключевые слова: литературное мастерство, литературная учеба, античная литература

Key words: creative writing, literary training, classical literature

УДК: 821.161.1

DOI: 10.53953/08696365_2023_183_5_84

UDC: 821.161.1

DOI: 10.53953/08696365_2023_183_5_84

В статье рассматривается преподавание античной литературы и поэтической техники в Высшем литературно-художественном институте им. В.Я. Брюсова (ВЛХИ). Идея Брюсова о том, что литературному мастерству необходимо учиться, перекликается с подходом к созданию литературы в античном мире. В частности, Брюсов опирается на древнегреческое понятие *technē*, переводящееся как «искусство» или как «ремесло». Автор показывает, как это и другие понятия античной литературы повлияли на практику преподавания литературного мастерства в ВЛХИ.

The article examines the teaching practices at the Briusov Higher Institute of Literature and Art (VLKhl), in particular teaching of classical literature and poetic technique. Briusov's idea that literary craft must be a subject of instruction echoes the approach to the creation of literature in the ancient world. In particular, he relies on the ancient Greek concept of *technē* which can be translated as "art" or as "craft." The author shows how this and other concepts of classical literature influenced the practices of teaching creative writing at VLKhl.

Во вступительной лекции к курсу стихотворной техники в московской студии стиховедения, прочитанной в апреле 1918 года, Брюсов утверждал, что даже самый талантливый поэт не может обойтись без изучения технической стороны поэтического искусства:

Способность к художественному творчеству есть прирожденный дар, как красота лица или сильный голос; эту способность можно и должно развивать, но приобрести ее никакими стараниями, никаким учением нельзя. Poetae nascuntur... Кто не родился поэтом, тот им никогда не станет, сколько бы к тому ни стремился, сколько бы труда на то ни потратил. <...> Наоборот, технике стиха и можно и должно учиться. Талант поэта, истинное золото поэзии, может сквозить и в грубых, неуклюжих стихах, — такие примеры известны. Но вполне выразить свое дарование, в полноте высказать свою душу поэта — может лишь тот, кто в совершенстве владеет техникой своего искусства¹.

1 Брюсов В. Ремесло поэта // Брюсов В.Я. Опыты по метрике и ритмике, по евфонии и созвучиям, по строфике и формам. М.: Геликон, 1918. С. 7—8.

Конечно, каждый поэт может изучить технику стиха самостоятельно, но такой подход был, по мнению Брюсова, неэффективен: «Сколько драгоценного времени и труда было бы сэкономлено, если бы каждый поэт не был принужден вновь, для себя, воссоздавать теорию стиха, а мог бы знакомиться с ней из лекций профессора, как композитор знакомится с элементарной и высшей теорией музыки!»² Роль этого профессора Брюсов взял на себя. Он начал обучать молодых поэтов еще в 1910-е годы в своем доме на Проспекте мира, 30, во время знаменитых брюсовских «сред». После прихода большевиков к власти Брюсов организовал несколько поэтических и литературных студий, но студийные рамки казались ему слишком узкими³. Он мечтал о создании университета для писателей. Став заведующим литературного подотдела Отдела художественного образования при Наркомпросе, Брюсов получил больше влияния, что помогло ему реализовать свои планы, — 16 ноября 1921 года состоялось торжественное открытие Высшего литературно-художественного института (ВЛХИ). Как отметил нарком просвещения А.В. Луначарский, всячески поддерживающий инициативу Брюсова, ВЛХИ был уникальным учебным заведением⁴. В отличие от университетов и академий Российской империи, которые готовили госслужащих, ВЛХИ стал институтом, где готовили профессиональных поэтов, писателей и драматургов. Это был первый институт такого рода в мире — первый американский институт для писателей Iowa Writers' Workshop будет открыт лишь пятнадцать лет спустя, в 1936 году⁵.

В ВЛХИ существовало два отделения и восемь классов⁶. Творческое отделение состояло из классов стиха, прозы, драмы и художественного перевода. Инструкторское отделение состояло из классов критики, литературной пропаганды, фольклора и литературно-издательского дела. В центре каждого класса находилась мастерская, вокруг каждой мастерской — ряд семинариев и теоретических предметов. Каждый студент должен был выбрать не менее одного класса из творческого отделения и один класс из инструкторского отделения. Кроме того, все студенты должны были посещать общеобразовательные предметы вне зависимости от выбранного класса — это курсы по истории и теории литературы, иностранные языки, курсы по другим видам искусства и общественно-политические дисциплины. Профессорско-преподавательский состав состоял из видных ученых, писателей и критиков того времени, а сам Брюсов взял на себя лекции по древнегреческой литературе и по истории римской литературы, курс «Латинский язык в связи с общим языкознанием» и класс стиха. С одной стороны, такой выбор кажется очевидным — Брюсов был поэтом и филологом-классиком. С другой стороны, именно изучение античной литературы натолкнуло Брюсова на мысль о том, что литературное мастерство должно стать предметом обучения. Задача данной статьи — описать раннесоветские педагогические практики Брюсова и объ-

2 Там же. С. 10.

3 *Рачинский Г.* Брюсов и ВЛХИ // Валерию Брюсову: Сборник, посвященный 50-летию со дня рождения поэта / Ред. П.С. Коган. М.: Издание КУБС'а имени Валерия Брюсова, 1924. С. 48.

4 Высший литературно-художественный институт // Известия ВЦИК. 1921. № 281. 20 ноября. С. 2.

5 Об истории Iowa Writers' Workshop см.: [Wilbers 1980]. Об истории преподавания литературного мастерства в Америке см.: [Myers 2006].

6 В 1924 году классы переименовали в циклы.

яснить, как изучение античной литературы связано с преподаванием литературной техники в ВЛХИ.

В заключение цикла лекций о древних культурах человечества, прочитанного в 1917 году в Народном университете имени Шаняевского в Москве, Валерий Брюсов так описал влияние Древней Греции и Рима на европейскую цивилизацию:

Люди открыто провозглашают Элладу и Рим источниками всякой мудрости, стремятся сознательно учиться у них. Высшими образцами объявляются античные поэты и художники, непререкаемым авторитетом — античные ученые. Гомер и Вергилий, Эсхил и Софокл, Пракситель и Скопас, Платон и Аристотель, эти имена делаются священными. Вся наука, все искусство, вся философия новой Европы вырастает на античной почве. Все, чем мы живем поныне, имеет своим источником завещание античного мира. К какой бы области знания или художества мы ни обратились, везде в основе мы находим античный образец. Эллада и Рим были и остались «учителями» новой европейской культуры⁷.

О влиянии античной литературы на творчество Брюсова писали многие. Сергей Хангулян видел в обращении к латыни в раннем творчестве Брюсова стремление воссоздать античные формы в русской поэзии и придать таинственность поэтическому языку [Хангулян 1985]. Михаил Гаспаров считал, что древнегреческая мифология является для Брюсова источником вдохновения для создания языка новой, советской культуры [Гаспаров 1997а: 278]. Похожая тенденция прослеживается исследователями и в прозе Брюсова — революционные волнения начала XX века повлияли на выбор хронотопа в прозаических произведениях писателя. В своих романах он описывает эпоху гибели Рима и зарождения новой культуры [Нахов 2003; Хачатрян 2004]. Не удивительно, что, разрабатывая новую область знания — литературное мастерство — в период тотального преобразования литературного поля в послереволюционной России, Брюсов выделил для античной литературы особое место в учебном плане для будущих писателей.

В Академии поэзии, придуманной Брюсовым в 1920 году, все первокурсники должны были изучать такие дисциплины, как «История поэзии. Эллада и Рим» и «Античная метрика»⁸. Учебный план ВЛХИ, утвержденный в 1921 году, во многом отличался от первоначального плана Академии поэзии и включал в себя немало количество социально-политических предметов, но дисциплины, связанные с античной литературой и античной историей, Брюсову удалось сохранить. Изучение латыни представлялось Брюсову необходимым знанием для начинающего писателя: «Зная латинский язык, вы сможете быстро изучить любой другой европейский язык. А как он благозвучен, как благороден!..»⁹ Леонид Тимофеев вспоминал, как Брюсов решил использовать новую методику преподавания латинского языка — вместо изучения правил он предложил осваивать язык в процессе разговора. Брюсов обращался к студентам

7 Брюсов В. Учители учителей // Брюсов В.Я. Собрание сочинений: В 7 т. Т. 7. М.: Художественная литература, 1975. С. 436.

8 Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 386, Брюсов, Валерий Яковлевич. К. 116. Д. 13. Л. 1.

9 Лазовский П. Подвижник мысли и труда // Брюсовские чтения 1962 года. Ереван: Айпетрат, 1963. С. 339.

с вопросами на бытовые темы, но вразумительных ответов, кроме «ita» и «non ita» («да» и «нет») он не получал, поэтому вскоре вернулся к обычному преподаванию грамматики¹⁰. В своем раннем творчестве Брюсов нередко пытался имитировать ритм и метрику древнеримских стихов на русском языке [Хангулян 2001], поэтому он считал, что знание латыни поможет молодым поэтам с поиском собственной поэтической формы.

Один из студентов ВЛХИ, будущий известный советский литературовед Б.И. Пуришев, вспоминал, с какой любовью Брюсов читал лекции по античной литературе:

Стремясь к тому, чтобы молодые литераторы получили основательное гуманитарное образование, Брюсов большое внимание уделял истории и теории всемирной литературы. Будучи по своему университетскому образованию классиком, он приучал студентов высоко ценить великую античную культуру. Им читались лекции на целый семестр по литературе греческой, и на целый семестр — по литературе римской. <...> И сама его лекторская манера, одновременно ясная и монументальная, содержала что-то классическое. Вслед за своим любимым поэтом Вергилием он избегал многословия. Его слова напоминали хорошо отшлифованные камни, из которых складывались стройные лекции. У нас было свободное посещение лекций. Не всегда студенты аккуратно посещали занятия. Но на Брюсова ходили все. Без риторических прикрас и эффектов он увлекал нас в мир великой античной литературы¹¹.

Читая курсы по античным литературам, Брюсов пытался не только ознакомить своих студентов с произведениями античных классиков, но и обратить их внимание на вопросы литературной техники в Древней Греции и Риме. Разбирая «Илиаду» и «Одиссею» Гомера, Брюсов сравнивал композицию эпосов и их поэтическую технику. Обсуждая греческих поэтов VI—V веков до н.э., он впервые поднимал тему поэзии как профессии на примере Пиндара и его профессиональной поэтической деятельности. Брюсов читал со студентами «Поэтику» Аристотеля и разбирал технику эллинской драматургии, а также учение Аристотеля о катарсисе¹². На занятиях по древнеримской литературе техническим вопросам также уделялось достаточно внимания: изучалось мастерство формы Вергилия, стихосложение Горация¹³. На курсе «Латинский язык в связи с общим языкознанием» отдельная тема была посвящена красноречию и различным ораторским школам Древнего Рима¹⁴. Кроме того, в ВЛХИ существовало ораторское отделение, на котором преподавалась техника красноречия¹⁵. Таким образом, Брюсов видел родство между искусством риторики и поэзией. В начале 1920-х годов умение поэта декламировать свои стихи со

10 Тимофеев Л., Поспелов Г. Устные мемуары / Сост. и предисл. Н.А. Панькова. М.: Изд-во Московского университета, 2003. С. 14—15.

11 Пуришев Б. Брюсовский институт (Из «Воспоминаний старого москвича») // Археологический ежегодник за 1997 год. М.: Наука, 1997. С. 568.

12 Программы и учебные планы / Сост. под ред. проф. М.С. Григорьева. М.: Высший литературно-художественный институт имени Валерия Брюсова, 1924. С. 54—56.

13 Там же. С. 57—59.

14 Там же. С. 81.

15 Это отделение представляло собой продолжение Государственного института слова, слитого с ВЛХИ, и занималось устным словом. См.: РГАЛИ. Ф. 1328, Полонский, Вячеслав Павлович. Оп. 3. Д. 242. Л. 12.

сцены было особенно важным, и Брюсов пытался обучить своих учеников и этому ремеслу.

Брюсов был не единственным, кто обращался к текстам классиков. М.А. Петровский в «Введении в поэтику» и К.Г. Локс в курсе «Теоретическая поэтика» также изучали работы Аристотеля, а руководитель цикла драматургии В.М. Волькенштейн поставил подход Аристотеля к трагедии в основу своего преподавания драматического искусства. Драматург считал, что наиболее подходящий жанр для современного театра — это монументальная трагедия, героическая драма¹⁶. Реалистическая драма полностью им отвергалась, так как она представлялась Волькенштейну невозможной ввиду неустановившегося быта: «Для театра малоценно натуралистическое копирование нового, едва формирующегося и быстро меняющегося быта; драматург должен передать патетическую диалектику нашего бурного времени»¹⁷. Трагедийный, героический театр представлялся как единственно возможный жанр драматического искусства после революции. Таким образом, в эпоху тотального преобразования общества многие писатели и преподаватели видели в искусстве античного времени источник вдохновения для создания литературы новой, зарождающейся цивилизации и считали необходимым ознакомить своих учеников с античным миром.

Несмотря на поддержку Наркомпроса и Луначарского лично, ВЛХИ был постоянно на грани закрытия. Противники Брюсова прямо называли его проект «буржуазной затеей»¹⁸. С одной стороны, эта «буржуазность» проявлялась в том, что почти все профессора ВЛХИ имели дореволюционный стаж, а с другой стороны, сама программа ВЛХИ делала огромный упор на техническую сторону писательского образования, оставляя идеологию на периферии. В 1922 году было закрыто ораторское отделение, а в 1925 году, уже после смерти Брюсова, был закрыт весь институт. Официальная причина закрытия — необходимость разгрузки Москвы, хотя здание на Поварской, 52, занимаемое институтом, не было жилым. Скорее всего, причина закрытия ВЛХИ была в самом характере учебного процесса и атмосфере этого учебного заведения, не соответствовавшим ужесточавшейся официальной идеологии. Советской власти нужны были литературные работники — пропагандисты и агитаторы, а не писатели и поэты, воспитанные в духе Ренессанса. Разницу в подходах к обучению ВЛХИ и его преемника — Литературного института им. А.М. Горького — можно наблюдать на примере содержания курсов по античной литературе: в Литинституте античный театр был представлен как орудие классовой борьбы, главной идеей трагедии Эсхила «Прометей прикованный» считалась идея «борющегося угнетаемого человечества», а эпикурейско-эротическая тематика Овидия была обусловлена оппозиционностью «официальной идеологии режима цезаризма»¹⁹. Тем не менее даже в такой идеологически выдержанной программе было место техническим вопросам и обсуждению формы:

16 *Волькенштейн В.* Драматургия: Метод исследования драматических произведений. М.: Новая Москва, 1923. С. 173—174.

17 *Волькенштейн В.* Закон драматургии. М.; Л.: МОДПиК, 1925. С. 74.

18 *Брюсов В.* Высший литературно-художественный институт // Журналист. 1923. № 8. С. 23.

19 Методические указания к программе по истории античной (греческой и латинской) литературы для заочников Литературного института при ССП. М.: [Б.и.], 1936. С. 1—6.

студенты изучали поэтическое мастерство Гомера, структуру комедий Аристофана, «Поэтику» Аристотеля, стихотворные формы Горация, а также его поэму «О поэтическом искусстве».

Античная литература была не просто одним из предметов в учебной программе Литературного института: тексты античных авторов также применялись при разборе литературной техники на творческих семинарах. Например, Николай Москвин, выпускник ВЛХИ и руководитель семинара по прозе в Литинституте, призывал студентов использовать советы Аристотеля из «Поэтики» при работе над фабулой своего произведения: он рекомендовал убирать лишнее, просил студентов не нарушать естественный порядок повествования и продумывать цель и смысл наличия каждой части, каждого предложения в произведении. Свои наставления он снабжал цитатами из Аристотеля:

...повествуя, мы нередко к одной частности прибавляем другую частность, к деталям — деталь, к эпизоду — эпизод. Побольше! Побогаче! А надо ли это? Где же граница нашей ненужной щедрости? Где надо остановиться? И Аристотель отвечает: там, где есть «вероятие и необходимость», где это соответствует «внутреннему содержанию» фабулы, где не нарушается «естественный порядок действия»...²⁰

Таким образом, даже после смены политического курса античная литература осталась важной базой преподавания литературного мастерства в Советском Союзе.

С одной стороны, Брюсов и его преемники обращались к Античности, так как считали, что изучение античных трактатов даст будущим писателям возможность ознакомиться с основополагающими текстами для эстетики и стиля Нового времени и поможет им найти свой язык в период тотальной трансформации общества. С другой стороны, Брюсов сделал античную литературу одним из основополагающих предметов в школе для писателей, поскольку его собственный подход к созданию литературы был во многом схож с представлением о производстве литературного текста в античном мире. В основе этого подхода лежит понятие *technē* (или *ars* на латыни). В Древней Греции словом *technē* могли означаться самые разные понятия: от хитрости или уловки до высшего знания, но чаще всего под словом *technē* имели в виду именно практическое, а не теоретическое знание. В некоторых текстах *technē* — это базовое, ремесленническое умение (как построить дом или как сваять вазу), в других текстах *technē* — это сложное умение высшего порядка (как лечить людей или как управлять государством) [Виов 2015: 22–23]. Понятие *technē* встречается и в послании Лонгина «О возвышенном», согласно которому возвышенное в искусстве создается не только при помощи природных способностей человека, но и при помощи навыков, приобретаемых «в учении»²¹. О необходимости наличия у писателя как таланта, так и технических навыков также писал Гораций:

20 Москвин Н. Над белым листом: Заметки о литературном труде. М.: Советская Россия, 1964. С. 104.

21 О возвышенном / Пер. с лат. и примеч. Н.А. Чистяковой. М.: РИПОЛ классик, 2018. С. 44–45. В древнегреческом оригинале — διὰ τέχνης. По-другому эту фразу можно было бы перевести как «посредством искусства» или «посредством ремесла».

Лучшую песнь создает ли природа или искусство?
Вот вопрос. Но не вижу я, что без талантливой жилы
В силах наука создать или даже талант без искусства?
Оба, взывая друг к другу, вступают в союз полюбовный²².

То, что Афанасий Фет перевел как «природа или искусство», в оригинале выражено словами *natura* и *arte*, последнее из которых — одна из грамматических форм слова *ars*, означающее не только искусство, но и ремесло. Следующие строки говорят нам о том, что здесь *ars* употребляется именно в значении ремесла, навыка. То, что в переводе Фета обозначается словом «наука», в оригинале звучит как *studium* — учеба, старание, рвение. То есть Гораций, как и Лонгин, считал, что одного таланта недостаточно для того, чтобы стать поэтом, необходимо учиться. Впрочем, при отсутствии таланта учеба и рвение тоже бессильны. Эта мысль была особенно близка Брюсову. Поэт верил, что даже при наличии большого литературного таланта начинающему автору необходимо изучать технику литературного мастерства, ремесленную составляющую литературы:

...в каждом искусстве есть две стороны: творческая и техническая. Если даже признавать творческие способности исключительно «врожденным даром» (что еще спорно), то техническая сторона искусства, ремесло художника, конечно, может быть и должно быть изучаемо²³.

Именно с этой целью и был создан ВЛХИ.

Главная задача ВЛХИ — «производственно овладеть словом»²⁴. Иными словами, литература представляла собой продукт некоего производственного процесса, состоящего из разных этапов. На этих этапах создавались и оттачивались детали или элементы конечного текста. Однако, в отличие от фабричного производства, не каждый «рабочий» был в состоянии создать идеальный продукт, а только тот, кто обладал и талантом, и производственным знанием или техникой. Таким образом, цель ВЛХИ — это отобрать талантливых начинающих писателей и обучить их технике литературного труда — *technē*. Далее мы предлагаем рассмотреть обучение *technē* на примере класса стиха, который был не только самым популярным среди студентов²⁵, но и самым «техническим» — на занятиях для поэтов вопросам литературной техники уделялось больше внимания, чем во всех других классах.

В первые два года сам Брюсов руководил классом стиха, который состоял из практических занятий с разбором произведений студентов и из теоретического курса «Энциклопедия стиха». Известно, что вопросы стиховедения волновали Брюсова еще с конца 1890-х годов, но со второй половины 1910-х годов стиховедческие искания Брюсова становятся главной областью его экспериментов, причем связаны они не только с чисто научным интересом, но и с тяжким творческим кризисом [Гаспаров 1997б]. Поэт пытается создать «науку о стихе», которая исследовала бы его свойства и устанавливала бы его общие

22 Фет А. К Пизонам // Фет А.А. Собр. соч. и писем: В 20 т. Т. 5. Кн. 1. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2014. С. 139.

23 Брюсов В. Высший литературно-художественный институт. С. 23.

24 Программы и учебные планы. С. 3.

25 Пуришев Б. Брюсовский институт (Из «Воспоминаний старого москвича»). С. 571.

законы»²⁶ и которая стала бы основой для создания новых поэтических произведений. В рамках курса «Энциклопедии стиха» Брюсов делит науку о стихе на три составляющих, каждая из которых заимствована им из античной поэтики:

- 1) метрика и ритмика, куда входит учение о стопах, а также изучение «второстепенных элементов»: ипостасы, цезуры и каталектики;
- 2) эвфония, состоящая из звукописи, эвритмии и учении о рифмах и ассонансах²⁷;
- 3) строфика²⁸.

Из трех блоков курса Брюсов уделял особое внимание эвфонии, поэтому в ВЛХИ наряду с основным курсом о стихе он также вел спецкурс по эвфонии. Бывшая студентка ВЛХИ Зоя Ясинская отмечала, что при изложении своей науки о стихе Брюсов всегда приводил точку зрения своих оппонентов, то есть выступал перед студентами как исследователь, а не как популяризатор своей теории²⁹. Упражняясь со студентами в метрике и ритмике, Брюсов нередко брал тексты Пушкина за образец. В качестве заданий он просил студентов дописать неоконченные произведения Пушкина, например предложить свой вариант окончания «Египетских ночей»³⁰. Другой пример обучения на пушкинских стихах — задание написать стихи, близкие по размеру и стилю «Медному всаднику». Сложность была в том, что это не должно было стать подражанием или стилизацией, студенты должны были написать свое собственное оригинальное произведение³¹. Что касается тематической направленности, то Брюсов предпочитал стихи на злобу дня и не очень жаловал символистские тексты. Борис Пуришев вспоминал, как один студент начал читать свое стихотворение со слов «Я арлекин, тоскующий по ритмам...», на что Брюсов ответил, что время

26 Брюсов В. Ремесло поэта. С. 12. Брюсов и здесь прибегает к античным примерам — он считает, что «зачатки этой «науки» о стихе существуют, входя в системы «эстетик» и «поэтик», в первую очередь в работах Аристотеля, но на русскоязычной почве они не разработаны.

27 В брюсовской орфографии «евфония» и «евритмия». Термин *эвфония* (εὐφωρία) заимствован из древнегреческого и означает «благозвучие». Термин *эвритмия* (εὐρυθμία) заимствован у Аристотеля и означает «музыкальность» или «гармоничность». В этом разделе поэт также воспекает античные образцы и нарекает Вергилия мастером «евфонии».

28 Любому, постигающему тонкости учения о строфике, Брюсов советует попрактиковаться в переносе строф античной метрики (особенно Горция) на русский язык. Подробное описание курса «Энциклопедия стиха» см.: Программы и учебные планы. С. 17—20.

29 Ясинская З. Мой учитель, мой ректор // Брюсовские чтения 1962 года. Ереван: Айпетрат, 1963. С. 311.

30 Там же. Брюсов и сам создал окончание «Египетских ночей»: Брюсов В. Египетские ночи. М.: Тип. торгового дома «Мысль», 1916. Современники труд Брюсова не оценили. Айхенвальд считал брюсовскую попытку дописать поэму неудачной: «Брюсов дает немало образцов аляповатости» (Айхенвальд Ю. Валерий Брюсов // Айхенвальд Ю.И. Силуэты русских писателей: В 3 т. Т 3. Берлин: Слово, 1923. С. 140). Согласно Жирмунскому, Брюсов заимствовал у Пушкина лишь внешние элементы его поэтики и, соответственно, не мог считаться продолжателем его традиции [Жирмунский 1922: 84—86]. Возможно, предлагая студентам ВЛХИ дописать «Египетские ночи», Брюсов надеялся, что его ученики смогут найти лучшее решение этой задачи.

31 Лазовский П. Подвижник мысли и труда. С. 339—340.

Арлекина и Пьеро уже прошло. Вместе с тем Степана Злобина, увлекавшегося в то время поэзией, он похвалил за стихотворение о голоде в Поволжье, несмотря на поэтическую слабость стиха³². Заместитель ректора Михаил Григорьев вспоминал Брюсова как человека строгого по отношению к студенческому творчеству, особенно не жаловавшего штампы и перепевы. Когда один из студентов, читавших стихотворение в манере Надсона, употребил выражение «факел просвещения», Брюсов всплеснул руками и воскликнул: «Ну, это уж слишком...» Поэт имел обыкновение делать пометки и выставлять оценки студенческим стихам по пятибалльной системе. Оценивал он обычно невысоко, но Григорьев считал его прогноз весьма проницательным³³.

Летом 1923 года Брюсов пригласил преподавать в ВЛХИ Георгия Шенгели. Шенгели считал Брюсова своим учителем, но учитель и ученик не всегда соглашались друг с другом. Первая половина 1923 года прошла в полемике Брюсова и Шенгели о переводах Верхарна, и Шенгели был уверен, что после такой дуэли у него с Брюсовым «все кончено», но, несмотря на творческие и переводческие разногласия, Брюсов оценил недавно вышедший «Трактат о русском стихе» (1923) Шенгели, и именно поэтому пригласил его в качестве второго профессора класса поэзии:

Брюсов сказал мне несколько слов по поводу моего «Трактата»... и пояснил, что считает весьма полезным часть студентов пропускать через мою «мясорубку», как он выразился³⁴.

Брюсов предложил Шенгели чередоваться: сначала Шенгели будет читать курс «Энциклопедии стиха» на первом курсе, а Брюсов будет вести класс стиха на втором и на третьем году, затем Шенгели перейдет на второй курс, а Брюсов будет заканчивать с третьекурсниками и возьмется за первый курс и т.д. Мемуаристка Евгения Захарова-Рафальская так вспоминает курс Шенгели:

Занятия с ним состояли в бесконечном изучении схем и ритмов стиха. По этим схемам мы писали и свои стихи. Разбирали ритмически и стихи известных поэтов. Сначала это казалось интересным, но в конце концов бесконечный анализ приводил к тому, что наслаждение стихом пропадало. А я лично вообще бросила писать стихи. В чем и состоит заслуга Шенгели перед отечественной литературой [«Консерватория слова» 2001: 196].

Таким образом, в курсе Шенгели еще больше упора делалось на *technē* — технические аспекты поэзии, — чем в курсе Брюсова. Это подтверждается и программой его класса стиха, и отчетами о работе класса.

На втором курсе студенты-поэты в классе Шенгели должны были сначала научиться определять метр на слух и складывать строчки, метрически аналогичные прочитанным. Далее Шенгели учил студентов чертить пиррихические и словораздельные кривые по методологии Андрея Белого, разбирал номенклатуру форм, учил составлять ритменные карточки по своему методу и объяснял, что такое ритменная инерция и изомерная форма по методике Томашевского. Только после этого студенты могли приступить к написанию стихов

32 Пуришев Б. Брюсовский институт (Из «Воспоминаний старого москвича»). С. 571.

33 Григорьев М. Валерий Брюсов в последние годы жизни // Прожектор. 1925. № 3. С. 22.

34 Шенгели Г. Валерий Брюсов // Шенгели Г.А. Иноходец. М.: Совпадение, 1997. С. 457.

на заданную тему по ритмическим карточкам. На втором курсе также упражнялись в рифмовке по разным видам каталектики, занимались инструментовкой, подбором синонимов, работали над расширением поэтического словаря. На третьем курсе упражнений по метрике становилось меньше — студенты занимались композиционным анализом стихотворения, анализом образов, писали стихотворения в твердой форме и работали в разных стихотворных стилях³⁵.

В отчете за первый год работы Шенгели написал, что целью занятий он поставил усвоение студентами техники стихотворства до степени инстинктивного владения. Студенты, по мнению профессора, проявили «активность, глубокую склонность к практической разработке вопросов и дух соревнования»³⁶. В течение года студенты прорабатывали два размера: четырехстопный и пятистопный ямба, на этом материале они разбирали принципы организации ритма. Шенгели отметил, что за год «невозможно проработать все метры во всем многообразии их ритмических конструкций, например гекзаметр может быть построен в 3125 модуляциях»³⁷. Из официального опроса студентов выяснилось, что не все были довольны работой Шенгели: некоторые считали, что профессор дает слишком много метрики и ничего не говорит о семантике и эйдологии. Перегруженность студентами метрикой у Шенгели отрицательно сказывалась на посещаемости практикума по метрике Артюшкова. В следующем году Правление института поручило Шенгели перестроить курс так, чтобы включить туда темы по семантике и эйдологии³⁸. Вместе с тем были студенты, которым был близок подход Шенгели. Например, Елена Благинина вспоминала, как «Шенгели демонстрировал перед упоенными слушателями чудеса модулированного ямба»³⁹.

Строгое техническое отношение Шенгели к поэтическому творчеству выделось ему неотъемлемой частью жизни писателя. Профессиональный писатель — это не дилетант, который пишет время от времени, поэтому Шенгели считал, что для повышения количества и качества написанного писатель должен следовать строгим правилам. Во-первых, правильно распределять свое время: «...ежедневно, с железной аккуратностью, в определенный час писатель садится за стол и покидает место так же в определенный час, ни минутой раньше или позже»⁴⁰. Второй важный совет писателям — иметь «производственный план», то есть установить принцип выбора сюжетов, записывать все идеи и систематизировать, накапливать лирические мотивы. Такой подход полностью соответствовал идеологии ВЛХИ, задачей которого было «производственное овладение словом». Сочетание производственного подхода к литературе и серьезное отношение к вопросам *technē* в поэзии позволило Шенгели со временем полностью заменить Брюсова в качестве руководителя класса стиха.

Таким образом, можно сделать вывод, что изучение античной литературы Брюсовым повлияло не только на его поэзию и исследовательские работы, но и на организацию первого в мире учебного заведения для писателей — Высше-

35 Программы и учебные планы. С. 29–30.

36 РГАЛИ. Ф. 1328. Оп. 3. Д. 242. Л. 18.

37 Там же.

38 РГАЛИ. Ф. 1328. Оп. 3. Д. 245. Л. 3–9.

39 Благинина Е. О ВЛХИ им. Брюсова // Золотые страницы «Орловского библиофила» / Сост. Л.И. Бородина и др. Орел: Орлик, 2016. С. 291.

40 Шенгели Г. НОТ писателя // Журналист. 1925. № 4. С. 47.

го литературно-художественного института. Древнегреческое понятие *technē* и его использование античными классиками привело Брюсова к мысли о том, что начинающим писателям необходимо изучать поэтическую технику. Именно поэтому в его собственных поэтических семинарах и стиховедческих курсах, как и в курсах его преемника Георгия Шенгели, уделялось больше всего внимания техническим вопросам поэтического творчества. Курсы по античной литературе и курсы древнегреческого и латинского языков также стали неотъемлемой частью советского писательского образования по нескольким причинам. Во-первых, понятия из античной метрики стали основой брюсовской науки о стихе. Во-вторых, по мнению Брюсова, упражнения по переносу античной метрики, ритмики, эвфонии и строфики на русский язык помогали начинающим поэтам в поисках их собственной поэтической формы. Наконец, Брюсов и другие преподаватели верили, что в эпоху реструктуризации литературного поля и тотального преобразования общества в послереволюционной России обращение к древнегреческой мифологии и поздней римской литературе поможет будущим писателям создать литературный язык новой страны. В последующие десятилетия функция курсов по античной литературе в школе для писателей изменилась — в Литературном институте имени Горького античные тексты рассматривались с позиции классово-борьбы, а авторов Древней Греции и Рима «наряжали в рубашку марксизма-ленинизма»⁴¹. Тем не менее в институте остались продолжатели брюсовского подхода, на творческих семинарах которых техника писательского мастерства была важнее идеологии⁴².

Библиография / References

- [Гаспаров 1997a] — *Гаспаров М.Л.* Академический авангардизм: Природа и культура в поэзии позднего Брюсова // *Гаспаров М.Л. Избранные труды: В 4 т. Т. 2. М.: Языки русской культуры, 1997. С. 272—305.*
- (*Gasparov M.L. Akademicheskii avangardism: Priroda i kul'tura v poezii pozdnego Bryusova // Gasparov M.L. Izbrannye trudy: In 4 vols. Vol. 2. Moscow, 1997. P. 272—305.*)
- [Гаспаров 1997б] — *Гаспаров М.Л.* Брюсов-стихoved и Брюсов-стихотворец // *Гаспаров М.Л. Избранные труды: В 4 т. Т. 3. М.: Языки русской культуры, 1997. С. 399—422.*
- (*Gasparov M.L. Bryusov-stikhoved i Bryusov-stikhotvorets // Gasparov M.L. Izbrannye trudy: In 4 vols. Vol. 3. Moscow, 1997. P. 399—422.*)
- [Жирмунский 1922] — *Жирмунский В.М.* Валерий Брюсов и наследие Пушкина. СПб.: Эльзевир, 1922.
- (*Zhirmunskii V.M. Valeriy Bryusov i nasledie Pushkina. Saint Petersburg, 1922.*)
- [Нахов 2003] — *Нахов И.М.* Валерий Брюсов и античный мир // *Русская словесность. 2003. № 6. С. 8—16.*
- (*Nakhov I.M. Valeriy Bryusov i antichnyy mir // Russkaya slovesnost'. 2003. No. 6. P. 8—16.*)
- [Хангулян 1985] — *Хангулян С.А.* Античность в раннем поэтическом творчестве Брю-

41 *Prėskienytė-Diawara V. Dvylika pasakojimų apie vieną gyvenimą. Vilnius: Lietuvos rašytojų sąjungos leidykla, 2021. P. 162.*

42 Это вышеупомянутый Николай Москвин, а также Михаил Светлов и Леонид Тимофеев — тоже ученики Брюсова, Илья Сельвинский, Павел Антокольский, Лев Касиль, Константин Паустовский, Владимир Линдин, Николай Замошкин, Сарра Бабеннышева и Евгений Винокуров.

- сова // Брюсовские чтения 1983 года / Редкол.: Я.И. Хачикян и др. Ереван: Советакан грох, 1985. С. 381—393.
 (Khangulian S.A. Antichnost' v rannem poeticheskom tvorchestve Bryusova // Bryusovskie chteniya 1983 goda / Ed. by Ia.I. Khachikian et al. Yerevan, 1985. P. 381—393.)
- [Хангулян 2001] — Хангулян С.А. Опыты Валерия Брюсова в области античной метрики и ритмики // Брюсовские чтения 1996 года / Редкол.: С.Т. Золян и др. Ереван: Лингва, 2001. С. 108—120.
 (Khangulian S.A. Opyty Valeriya Bryusova v oblasti antichnoy metriki i ritmiki // Bryusovskie chteniya 1996 goda / Ed. by S.T. Zolian et al. Yerevan, 2001. P. 108—120.)
- [Хачатрян 2004] — Хачатрян Н.М. Кризис античности в романах Брюсова «Алтарь победы» и «Юпитер поверженный» // Брюсовские чтения 2002 года / Редкол.: С.Т. Золян и др. Ереван: Лингва, 2004. С. 89—96.
 (Khachatryan N.M. Krizis antichnosti v romanakh Bryusova "Altar' pobedy" i "Yupiter poverzhennyu" // Bryusovskie chteniya 2002 goda / Ed. by S.T. Zolian et al. Yerevan, 2004. P. 89—96.)
- [«Консерватория слова» 2001] — «Консерватория слова». Из воспоминаний Е.Б. Рафальской о Высшем литературно-художественном институте имени В.Я. Брюсова // Русская литература. 2001. № 2. С. 185—205.
 ("Konservatoriia slova". Iz vospominaniy E.B. Rafal'skoy o Vysshem literaturno-khudozhestvennom institute imeni V.Ya. Bryusova // Russkaya literatura. 2001. No. 2. P. 185—205.)
- [Biow 2015] — Biow D. On the Importance of Being an Individual in Renaissance Italy: Men, Their Professions, and Their Beards. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2015.
- [Myers 2006] — Myers D.G. The Elephants Teach: Creative Writing Since 1880. Chicago: The University of Chicago Press, 2006.
- [Wilbers 1980] — Wilbers S. The Iowa Writers' Workshop: Origins, Emergence, and Growth. Iowa City: University of Iowa Press, 1980.